

Т. Л. Каминская

Историческая рефлексия в медиа: инфоповоды и стратегии

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета 2017 г.

В статье рассматривается исторический дискурс в российских медиа с точки зрения его составляющих: речевых стратегий, участников, а также значимости инфоповода. Автор использует дискурс-анализ текстов популярных, имеющих обозначенную политическую нишу, федеральных медиа и базируется на исследовании рубрики «Мнение», имеющей наибольшее число просмотров и комментариев. Разворачивание исторического мини-дискурса, актуализирующего проблемы современной политической и социальной жизни, рассматривается на примерах инфоповодов, связанных с противоречивыми фигурами в российской истории – правителями Иваном Грозным и Иосифом Сталиным. Посредством контент-анализа и дискурс-анализа медиатекстов автор статьи показывает, как происходит разворачивание дискурса. В рамках культурологического осмысления потенциала исторического медиадискурса автор подчеркивает его воздействие на современное общество, в частности – на молодежную аудиторию.

Ключевые слова: медиа, исторический дискурс, комментарии, речевые стратегии, инфоповоды, ценности, власть, Грозный, Сталин.

Т. L. Kaminskaya

Historical Reflection in Media: Information Occasions and Strategies

The article is about historical discourse in Russian media from the point of view of its components: speech strategies, participants and the importance of the information occasion. The author uses the discourse-analysis method of the texts of popular, having a designated political niche, federal media and also bases on the study of the heading «Opinion», that has the largest number of views and comments. The unfolding of the historical mini-discourse, which actualizes the problems of contemporary political and social life, is considered on the examples of the information occasion, which are connected with the contradictory figures in Russian history, such rulers as Ivan the Terrible and Joseph Stalin. Through the content analysis and discourse-analysis of media texts the author shows how the discourse unfolds. Within the framework of the culturological comprehension of the potential of the historical media discourse the author draws attention to its impact on modern society, in particular, on the youth audience.

Keywords: media, historical discourse, comments, speech strategies, information occasions, values, power, the Terrible, Stalin.

Исторический дискурс является несомненным ресурсом любой идеологической системы, и роль медиа в его использовании трудно переоценить. Медиа актуализируют историческую память, в отношении которой справедливо замечено, что именно она «предопределяет направленность исторического процесса в сторону позитивных перемен или в сторону общекультурной деструкции и социальной девиантности» [2, с. 202].

Особенно актуально сегодня в данном срезе вести речь об интернет-фактурах медиа, поскольку они, в первую очередь, представляют собой площадки для обсуждения различных исторических событий, персоналий, инициируют и организуют исторический дискурс.

По концепции О. Г. Дуки исторический дискурс состоит из таких элементов, как 1) излагаемые события, их участники и 2) контекст, то есть а) обстоятельства, сопровождающие события,

б) фон событий, в) оценка участников событий, г) информация, соотносящая дискурс с событиями [2]. Эта концепция вполне применима к историческому медиадискурсу, особенно если рассматривать журналистские тексты в совокупности с комментариями к ним аудитории, что и предлагается в данной статье.

Тема исследования исторических сюжетов в региональном медиадискурсе представлена у Д. Ю. Асташкина, который отмечает возможность формирования исторического дискурса в СМИ самой властью и разделяет публикации медиа с историческим контекстом на четыре типа. Это «Мнение эксперта», «Личные впечатления участника исторических событий», «Реферат по истории» как форма пересказа исторического события к памятной дате и «История как инфоповод» [1, с. 171–178]. Однако следует отметить, что в региональных медиа, как для журна-

листных текстов, так и для комментариев к ним, характерны краеведческий уклон и консервативность подачи (реферативность) исторической информации.

По нашим наблюдениям, в современном российском медиадискурсе экспликация отношений к историческим фактам и персонам, а значит, экспликация ценностей происходит чаще всего при обсуждении фактов, актуализирующих исторический контекст, и именно в федеральных медиа, имеющих свою идеологическую нишу. Представленностью ярко выраженного авторского начала и активной реакцией аудитории на публикации исторического дискурса обусловлен выбор автором данной статьи изданий для анализа, имеющих различную политическую направленность.

Это, в частности, проправительственная газета для бизнес-аудитории «Ведомости», оппозиционная «Новая газета» и сайт радиостанции «Эхо Москвы».

Известно, что на фоне переизбытка фактов в современной российской медийной ситуации наблюдается тенденция к усилению персонализации текста и увеличению востребованности авторского начала. Реакция аудитории на выраженную авторскую позицию по поводу исторического контекста современных фактов на интернет-площадках медийных ресурсов обычно не заставляет себя ждать. Особенно когда медиаресурсы имеют (как в случае вышеупомянутых газет) рубрику «Мнение» и огромное число комментариев к публикациям этой рубрики. На радиостанции «Эхо Москвы» особой популярностью пользуется программа «Особое мнение». Публикации из данных рубрик имеют, как правило, тысячи просмотров на сайтах и десятки комментариев.

Упомянутые газеты за каждый месяц 2016 и 2017 гг. насчитывают от 4 до 20 тысяч просмотров колонки «Мнение» и от 4 до 60 комментариев на каждую колонку. Комментарий как компонент современного медиатекста получил в последнее десятилетие совершенно особый статус и особую значимость для редакций. С развитием технических аспектов информационного поля и онлайн-журналистики у адресата появилась возможность включиться напрямую в публичный дискурс обсуждения проблем и новостей. На это отреагировали как сам медиарынок, активизируя и модерлируя комментаторов, так и правоохранительная система, пытаясь контролировать процесс. Разумеется, комментаторы гораздо более «предвзяты», чем журналисты, хотя колумнистам

(выражающим «особое мнение») разрешается бóльшая предвзятость, особый авторский взгляд. Следует отметить, что предвзятое мнение журналиста вообще является традиционно важным компонентом российской журналистики. Приверженцам американской модели журналистики это кажется существенным недостатком. При этом, принимая во внимание традиционную либеральноцентричность и философичность русской журналистики, можно считать это ее сильной стороной. Актуальное событие всегда являлось в России поводом для более широких рассуждений о том, что происходит в обществе, каково общество, в каком направлении оно движется. Требование американской модели гласит, что если комментарий присутствует, то это должен быть не журналистский комментарий, но комментарий эксперта, политика, даже простого человека с улицы.

Однако российской аудиторией востребовано именно журналистское мнение, потому что журналист, как традиционно считается в российском социуме, пишет историю современности, и только он способен профессионально понимать эту историю через поток новостей. В новых условиях технологического равноправия профессионалов с «людьми с улицы» важность журналистского мнения и комментария к актуальному событию только повышается. Ведь даже отбор журналистом события для обсуждения выражает его личностную и социальную позицию. Журналист должен уметь осмыслить новость и встроить ее в контекст с тем, чтобы выполнить те самые социальные функции по организации общественного диалога.

Как пример сопоставления интерпретаций исторических персоналий, отражающих различные политические установки и ценности россиян, можно привести два медиасюжета: установка в Орле памятника основателю города царю Ивану IV Грозному (октябрь 2016 г.) и установка памятной доски Сталину в Московской государственной Юридической академии (июнь 2017 г.). Оба эти события, вызвавшие поначалу неоднозначную реакцию в локальном сообществе (г. Орел и академия), вышли в топ обсуждений всероссийского масштаба и были восприняты медийным сообществом как знаковые с политической и ценностной точек зрения.

При обсуждении увековечивания памяти Грозному заголовки были таковы: *Достоин ли Иван Грозный памятника, Откуда на Руси такая неприязнь к фигуре великого царя, Спорный ис-*

торический деятель, Памятник Ивану Грозному: дань истории или монумент палачу?

Установка памятной доски Сталину вызвала следующие оценочные метафоры в заголовках: *Могильщику права – от правоведов, Нацунать границы допустимого.*

В обоих случаях сообщение о событии развернулось в мини-дискурс исторической рефлексии, который длился около двух недель и развивался по схеме *новость о появлении артефакта – особое мнение эксперта – обзор мнений.*

В обоих случаях власть отстранилась от возможностей ценностной оценки событий. Министр культуры РФ Владимир Мединский заявил, что установка монумента Ивану Грозному в городе Орле – это «признание преемственности всех этапов нашей истории», а в отношении памятной доски Сталину пресс-секретарь президента отметил, что «...здесь официальной позиции быть не может. Президент неоднократно говорил, что это часть нашей истории, через которую прошла наша страна, и история должна восприниматься максимально адекватно».

Что касается участия в дискурсе рассматриваемых нами СМИ, то колумнисты «Новой газеты» солидаризированно со своими читателями выступили резко против установки памятника (колонка Бориса Кнорре «Опричное богословие» от 18 октября), мотивируя недопустимость сего факта попранием ценностей милосердия, христианской морали, а также стремлением оправдать репрессии и жестокое отношение к личности в интересах государства попыткой разделить страну на «своих и чужих». Известный режиссер Павел Лунгин выступил в газете с комментарием, напомнившим о метафоре Эйзенштейна «Сталин-Грозный»: *«Значит есть определенная часть людей в нашем обществе, которые хотели бы разделить страну на своих и чужих, на палачей и на жертв. Почему-то они свято уверены, что они-то будут среди палачей».*

Мнения газеты «Ведомости» в отношении этих событий также критичны, но ожидаемо не так резки и однозначны. В колонке Марии Железновой и Николая Эппле («Тень опричника» от 16 октября 2016 г.) более взвешенно разъясняется мотивация авторов по поводу Ивана Грозного: *«Обозначать текущий политический курс апелляцией к прошлому – традиция не новая, а с обращением к Ивану Грозному – и вовсе чисто сталинская. Именно при Сталине Грозный в первый и единственный раз был реабилитирован как мудрый правитель».*

Каждая из публикаций по обозначенным поводам получила в данном издании более 50 комментариев, которые разнообразны по своей оценке и не так однозначны, как в «Новой газете». Комментаторы критикуют власть, церковь как современный институт, а также интеллигенцию и «пятую колонну», призывают не оценивать прошлое по современным стандартам и признать заслуги правителей в плане интересов страны:

– Если у современных российских «либералов» это признак «державника», то, наверное, я – «державник» в Вашем понимании;

– Посмотрите, как интеллигенция реагирует!!! Стоило ли 20 лет учиться, диссертации защищать, чтобы потом с легкостью принимать вранье за чистую монету только на том основании, что Иван Грозный не был либеральным демократом образца 21-го века. Ну не был и что? Теперь из-за этого он и войны все проиграл, и памятников участникам Великой Французской революции, оказывается, во Франции нет (хотя Лупус из 5 штук выложил с легкостью). Вы, интеллигенция, за своей заботой об образовании «немой России» стали бояться смотреть в лицо реальным фактам. – Вообще это актуальная ошибка – оценивать прошлое по современным стандартам, по современному пониманию прав человека и т. д....

– Вы меня в чем хотите убедить? Я не за советскую власть и уж тем более не за Сталина во главе ее. Я просто против его демонизации. Уж точно он не страшнее Хрущева, который и в репрессиях повинен, и полезного сделал намного меньше Сталина. Ничего страшного в табличке не вижу. Ну висит себе и висит.

Как экспертами, так и комментаторами на радиостанции и в газетах в обоих мини-дискурсах использовались следующие стратегии:

Поиск аналогий данным фигурам в новейшей истории и политике и навешивание ярлыков:

– Удивляюсь, почему Ростов тянет с заявкой на увековечивание своего душегуба, Чикатило. Он, как мог, на свой лад санитарил, вроде как избавлял Русь-матушку от негодного людского балласта... Да по сравнению с Грозным Чикатило просто агнец божий!

– История с доской действует как плевок на могилы невинно убиенных другом всех вампиров;

– *Кровавые наследники опричников-гебистов и вертухаев загоняют страну в средневековье.*

Доминирование в информационном поле:
примерно треть комментариев написана одними и теми же людьми, последовательно отстаивающими свою позицию (возможно, это журналисты данных изданий).

Переход на личности:

– *О чем можно разговаривать с этим городским дурачком, если он Резника назвал креаклом?*

– *Ты шю, коза старая, надеешься, што Россия с вами воевать будет? Много чести!*

Апелляция к власти:

– *Какая связь между Сталиным и избыточной роскошью современных чиновников и приближенных к ним бизнесменов?...*

– *Всякий памятник сегодня власть ставит в первую очередь себе...*

Эти примеры, как и многие другие, наглядно демонстрирует, что исторический медиадискурс позволяет как выявить, так и продуктивно влиять на настроения и ценности различных целевых аудиторий. При этом журналистский текст с сопровождающими его высказываниями комментаторов, уточнениями и мыслями «по поводу» воспринимается целиком. Такое целостное восприятие сплава журналистского текста и комментариев к нему связано, на наш взгляд, с тем обстоятельством, что как журналисты, так и комментаторы актуализируют популярные идеологические доктрины и стереотипы массового сознания общества.

Читателями данные сверткесты соотносятся с уже оцененным политическим / социальным контекстом. Казалось бы, в меньшей степени это относится к молодежной аудитории, поскольку, как указал один комментатор к публикации «Ведомостей» о табличке Сталина, *Наши дети не читали Мальчиша-Кибальчиша, Как закалялась сталь. Они читали Гарри Поттер, Властелин Колец. Сегодня вместе с родителями переживают за архетипических героев Игры Престолов. Мордор может случиться в России, а вот СССР нет. Сталин – это для пенсионеров.*

Действительно, многолетнее наблюдение за молодежной аудиторией, прежде всего студенческой, дает право утверждать, что молодежь использует для осмысления истории не книги или непосредственно СМИ, а другие медийные ресурсы, преимущественно группы в социальных

сетях. Расширенный поиск в социальной сети «ВКонтакте» сообществ по ключевым словам «история России» выдает в разные месяцы 2017 г. около 20 тысяч результатов. Тем не менее контентом многих актуальных на сегодняшний день таких групп, насчитывающих более 100 участников (таковых около 300), как раз являются ссылки на актуальные публикации официально зарегистрированных медиа и высказывания в медиополе известных персон на историческую тематику.

В этом смысле историческая рефлексия в медиополе является частью проявления культурной памяти, которая «в своих акцентах, а подчас и в парадигмальных проявлениях не всегда совпадает с официально-государственной юридической хронологией и оценочностью, позволяет и требует эти акценты сделать и закрепить. Помочь массовому сознанию не ошибиться в приоритетах» [4, с. 325].

Таким образом, интерпретация истории в медиадискурсе становится важнейшим средством формирования идентичности и патриотизма даже в молодежной среде.

Библиографический список

1. Асташкин, Д. Ю. Исторический дискурс [Текст] / Д. Ю. Асташкин // Новгородское медиополе: опыты лингвистических исследований : коллективная монография / под ред. Т. В. Шмелевой ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2015. – С. 171–178.
2. Важдяев, В. П., Грехов, А. В. Военно-историческая память в свете политической конъюнктуры [Текст] / В. П. Важдяев, А. В. Грехов // Приволжский научный журнал. – 2015. – № 2. – С. 202–207.
3. Дука, О. Г. Дискурс исторической науки и дискурс идентичности [Электронный ресурс] / О. Г. Дука // Дискурс ПМ. Научно-практический альманах. – Вып. 5. М., 2005. – Режим доступа: <http://discourse-pm.ur.ru/avtor5/dukao.php>
4. Злотникова, Т. С. Культурная память нации в массовом сознании современной России [Текст] / Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 325–328.

Bibliograficheskiy spisok

1. Astashkin, D. Ju. Istoricheskiy diskurs [Tekst] / D. Ju. Astashkin // Novgorodskoe mediapole: opyty lingvisticheskikh issledovaniy : kollektivnaya monografiya/pod red. T. V. Shmelevoj ; NovGU im. Jaroslava Mudrogo. – Velikij Novgorod, 2015. – S. 171–178.
2. Vazhdjev, V. P., Grehov, A. V. Voenno-istoricheskaja pamjat' v svete politicheskoi konjunktury [Tekst] / V. P. Vazhdjev, A. V. Grehov // Privolzhskij nauchnyj zhurnal. – 2015. – № 2. – S. 202–207.

3. Duka, O. G. Diskurs istoricheskoy nauki i diskurs identichnosti [Elektronnyj resurs] / O. G. Duka // Diskurs PM. Nauchno-prakticheskij al'manah. – Vyp. 5. M., 2005. – Rezhim dostupa: <http://discourse-pm.ur.ru/avtor5/dukao.php>

4. Zlotnikova, T. S. Kul'turnaja pamjat' nacji v massovom soznanii sovremennoj Rossii [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 3. – S. 325–328.

Reference List

1. Astashkin D. Yu. Historical discourse // Novgorod media field: experiences of linguistic researches: the collective monograph/under the editorship of T. V. Shmely-

ova; NovSU named after Yaroslav the Wise. – Veliky Novgorod, 2015. – P. 171–178.

2. Vazhdaev V. P., Grekhov A. V. Military and historical memory in the light of political environment // Volga Scientific Magazine. – 2015. – № 2. – P. 202–207.

3. Duka O. G. Discourse of historical science and identity discourse [An electronic resource] // PM Discourse. Scientific and practical almanac. – Issue 5. M., 2005. – Access mode: <http://discourse-pm.ur.ru/avtor5/dukao.php>

4. Zlotnikova T. S. Cultural memory of the nation in mass consciousness of modern Russia // Yaroslavl pedagogical bulletin. – 2016. – № 3. – P. 325–328.